

— А ты забавный, — ухмыльнулся синеволосый.

Лу Пэй мысленно завыл от тоски. Вообще-то он не шутил, а просто констатировал факт: ему скоро хана.

Примерно года два назад Лу Пэй словил один из первых спойлеров. Текст гласил, что 10 сентября он выйдет из дома и сломает лодыжку.

Чтобы обмануть судьбу, в тот злополучный день Лу Пэй пластом пролежал на кровати. Он принципиально не ел и не пил, чтобы даже в туалет лишний раз не вставать.

В половине двенадцатого ночи домой вернулся Лу Сюнь. И хотя Лу Пэй строго-настрого приказал слугам не говорить брату, что он голодает, тот по каким-то мелким уликаам в гостиной сразу прочухал, что мелкий весь день носа из комнаты не показывал. Братец конем уперся: «Иди жрать». Лу Пэй — в отказ. Тогда Лу Сюнь просто сгреб его в охапку, закинул на плечо и понес в столовую.

Лу Пэй, ясное дело, врубил режим дикой капибары и принялся брыкаться. Махнул ногой, со всей дури впечатался подъемом стопы в дверной косяк — хрусь! Привет, гипс и сломанная лодыжка.

Подобная чертовщина случалась не раз, так что Лу Пэй опытным путем вывел местную закономерность:

Да, благодаря спойлерам он мог менять какие-то мелкие детали. Но в этой книге существовали незыблемые «сюжетные маркеры». И как бы ты ни изворачивался, система все равно пропихнет тебя через нужное событие.

Он уже сбежал с небес на самую землю, а умирать все равно придется. Похоже, «смерть Лу Пэя» — это такой же железобетонный сюжетный маркер, как и посадка Лу Сюня в тюрьму.

Так называемый сюжетный слив: если автору приспичило убрать персонажа до рассвета, то даже самый гениальный и сильный герой за секунду растеряет весь IQ и покорно побредет на убой, аки плюшевый розовый пони.

Ну и как мир докатился до жизни такой? А вот так, докатился.

Лу Пэй продолжал неподвижно стоять у двери, хотя его душа уже давно покинула чат.

— Руби, в карты шпилешь? — окликнул его синеволосый.

— Не умею, — отозвался Лу Пэй.

— Тогда, может, курнешь? — парень протянул ему початую пачку.

Вообще-то Лу Пэй не курил. Но, поразмыслив, что терять ему все равно нечего, он выудил одну сигарету и уточнил:

— А здесь разве можно?

— Официально — нет, — невозмутимо улыбнулся синеволосый. — Правил в этой дыре выше крыши. Но конкретно у меня всегда найдется пара лазеек. Если что-то понадобится, обращайся, подсобим.

— Ю Жулань, твой ход, не спи! — поторопил его сокамерник по имени Лао У*.

ПП: слово «Лао» используется, чтобы выразить дружеское и почтительное отношение.

— Пасс, у меня нечем крыть, — Ю Жулань ловко скинул карты веером и одним отработанным движением спрятал пачку сигарет в карман. На его пальцах при этом шумно звякнули и блеснули массивные кольца с дешевыми стекляшками.

— Этот тип местный барыга сомнительной честности, — шепотом просветил Лу Пэя другой сосед, Энтони. — Если у тебя завелись лишние деньги, но не хватает каких-то ништяков, обращайся к нему. Он с радостью тебя обует.

Ю Жулань деланно оскорбился и выдал с самым праведным видом:

— Работаю профессионально, ни единого обмана!

Лу Пэй краем глаза заметил, как этот «честный дилер» только что технично занюкал карту в рукав, и оценил масштаб:

— Ага, вижу. Ни единого обмана, сплошное надувательство.

Ю Жулань в этой камере не жил, обитал по соседству, а сюда приходил чисто перекинуться в картишки. Жульничал он без фанатизма: выигрывает пару крупных банков, сольет несколько мелких. Отыграв очередной раунд, он поднялся и лучезарно улыбнулся:

— Все, я завязываю. Погнал в душ.

— А где тут мыться? — спросил Лу Пэй.

— О, ты тоже хочешь? Погнали вместе, составлю компанию.

Тюрьма, чисто мужской коллектив, общественная баня... Какое бы комбо из этих слов ты ни составил, в голове упорно всплывали сцены из сомнительных немецких фильмов. Идти туда в одиночку и правда было стремно, так что попутчик пришелся очень кстати.

По дороге к душевым Ю Жулань коротко вводил его в курс тюремного кастового строя:

— Короче, всем заправляет Мамонт. Самый главный авторитет здесь. Смотри не вздумай разозлить его или его шестерок.

— Мамонт — это начальник колонии? — любопытствовал Лу Пэй.

— Начальник? — Ю Жулань усмехнулся и покачал головой: — Мамонт сам решает, кто тут начальник.

К удивлению, душевые оказались вполне цивилизованными. Никакого общего помывочного зала со скользким кафелем, помещение было разбито на нормальные одиночные кабинки.

Лу Пэй вздохнул с облегчением и зашел в свободный отсек.

Он еще даже шмотки скинуть не успел, как из соседней кабинки раздались весьма недвусмысленные звуки, эхом разлетевшиеся по всему помещению:

— О-о-о-х... О мой бог... Да-а-а... А-а-а-х...

— Жестче... Ну же, котик... О боже, ты космос...

Лу Пэй: ...

— О-о-о... Котик... Ты такой крутой...

Минут через шесть-семь эти душераздирающие стоны экстаза наконец-то затихли.

Лу Пэй зажал пальцами нос и прогнусавил на всю душевую:

— Слышь, а че у твоего «котика» скорострел такой? Че так быстро-то?!

В соседней кабинке повисла гробовая, звенящая тишина.

В остальных отсеках кто-то прыснул, послышался сдавленный хохот, но арестанты быстро проявили эковскую солидарность и заткнулись.

***

Вернувшись в камеру, Лу Пэй принялся раскладывать в голове все по полочкам, заодно ненавязчиво расспрашивая сокамерников.

Рассказы мужиков лишь подтвердили слова Ю Жуланя: официальная администрация здесь просто мебель для галочки, а реальной властью обладает местный смотрящий по кличке Мамонт.

И Юань Цюэ, судя по всему, как раз ходит под ним. Вероятно, Лу Пэй по сюжету умудрится чем-то насолить Мамонту, и тот отправит своего цепного пса Юань Цюэ сделать из него фарш.

Лу Пэй тоскливо посмотрел на свои тонкие интеллигентные ручки, а затем вспомнил жилистые, рельефные предплечья Юань Цюэ со вздувшимися от напряжения венами.

Правило первое: избегать открытого махача.

Вариант «А» — сделать ноги. Мимо. От сюжетного слива он уже бегал сверху вниз, не помогло.

Вариант «Б» — вспомнить закадровый голос из спойлера. Там говорилось, что Юань Цюэ терпеть не может свое начальство и работает исключительно на отвали... А что, если попробовать переманить киллера на свою сторону?

В конце концов, если тебе суждено стать жертвой, неплохо бы для начала поближе познакомиться со своим будущим палачом.

Лу Пэй заранее заготовил несколько беспроявительных фраз для подката, но в итоге прождал до самого отбоя, а они так и негодились. Этот угрюмый пацан как ушел, так больше и не появлялся, оставив в камере всего троих постояльцев.

После того как вырубил свет, оставалось только лечь на расстеленную прямо на полу циновку и попытаться уснуть.

Лу Пэй в жизни не спал на такой жесткой поверхности. Поначалу он честно пытался бодрствовать, лелея мысль: «Вот вернется Юань Цюэ, я с ним поболтаю и выжужу инфу». Но в таких спартанских условиях расслабиться было нереально.

Промучившись несколько часов и прокрутившись с боку на бок, он дождался момента, когда мозг окончательно отключился от усталости. Едва он успел провалиться в полузабытье, как оглушительно затрещал утренний подъем.

Лу Пэй продрал глаза и обнаружил, что на соседней, еще вчера пустующей циновке кто-то

лежит. Парень повернулся к нему спиной, демонстрируя внушительный разворот плеч, а его черные волосы были в беспорядке раскиданы по подушке.

Лу Пэй аж вздрогнул.

«И когда только притащился?»

Юань Цюэ сел на своем коврик, и все его лицо буквально лучилось хмурым недовольством.

— Не выспался? — с неподдельным участием поинтересовался Лу Пэй.

Казалось, вся цветовая палитра Юань Цюэ состояла всего из двух контрастов: черного и белого, где самым глубоким и чернильным пятном были его глаза. Он медленно перевел взгляд и уставился на Лу Пэя абсолютно пустым взглядом.

Черты его лица были резкими и костистыми, брови низко нависали над глазами, а отсутствие лишнего подкожного жира делало его вид довольно взрослым. При этом само тело все еще сохраняло юношескую, поджарую мускулатуру.

Если судить объективно, внешность парня на сто процентов попадала в личные вкусовые стандарты Лу Пэя. На такого красавчика, даже несмотря на его полное отсутствие манер, невозможно было долго злиться.

Лу Пэй спросил:

— Тебе хоть двадцать-то есть?

— А тебе какое дело, — огрызнулся Юань Цюэ.

— Да так, чисто по-человечески заботу проявляю, — отзеркалил Лу Пэй.

Наглый ответ прозвучал настолько непринужденно, что Юань Цюэ даже слегка опешил от такой простоты.

— Ну так есть или нет? — не унимался Лу Пэй.

— Нет, — буркнул Юань Цюэ.

Юноша окончательно мысленно клеймил новичка как невыносимого балабола и пообещал себе больше вообще не реагировать на его реплики. Однако Лу Пэй на этот раз лишь понимающе кивнул.

Снова зазвенел звонок, и Лу Пэй поднялся, чтобы переодеться.

Он был тем еще чистюлей: верхняя уличная одежда для него была табу на постели. И пусть сейчас его «постелью» служила убогая циновка, правило оставалось в силе — переодеваться нужно строго на полу рядом.

Понятное дело, администрация исправительного центра не собиралась выдавать заключенным шелковые пижамы, так что в качестве домашней одежды у него была безразмерная, слишком длинная футболка.

Повернувшись к Юань Цюэ спиной, Лу Пэй просунул ноги в штанины и нагнулся, чтобы натянуть брюки.

В этот момент короткий подол футболки задрался вверх, полностью оголив верхнюю часть бедер, скрытую до этого тканью. Кожа там была ослепительно белой, словно свежеприготовленный нежный тофу.

Пока он подтягивал пояс брюк, его нога соскользнула, и парню пришлось смешно покачнуться из стороны в сторону, чтобы удержать равновесие.

Со стороны Юань Цюэ это выглядело так, будто новичок самым наглым образом крутит задницей прямо перед его носом.

Юань Цюэ раздраженно нахмурился и резко перевел взгляд в противоположный угол камеры.

Два других сокамерника дрыхли в одних трусах, сверкая голыми телами, но эта картина почему-то воспринималась его психикой гораздо спокойнее, чем то, что происходило у него за спиной.

Застегнув пуговицы, Лу Пэй повернулся к нему:

— Нас сейчас на построение погонят? Куда идти-то?

Юань Цюэ на этот раз даже бровью не повел. Он молча накинул куртку и целенаправленно зашагал к выходу.

К подобному уровню ледяного игнора Лу Пэю было не привыкать. Эта броня была настолько обкатанной, что он не почувствовал даже малейшего дискомфорта от того, что его демонстративно не замечают.

Сам он всегда отличался повышенной болтливостью, в то время как его старший брат Лу Сюнь был патологическим молчуном. С самого детства Лу Сюнь, когда мелкий окончательно допекал

его своими разговорами, просто врубал режим глухонемого. Но Лу Пэй прекрасно знал: каждую строчку его словесного поноса братец всегда выслушивал от первого до последнего слова.

Он пристроился хвостиком за Юань Цюэ. Их бригаду распределили в сектор «С», местность, сплошь заваленную огромными, похожими на горы кучами породы. Вся суть работы заключалась в том, чтобы усердно махать лопатой, разравнивать эти насыпи, выковыривать оттуда ценные минералы и складывать их в мешки.

Лу Пэй честно пытался завязать беседу прямо в процессе трудотерапии. Вот только Юань Цюэ работал как заведенный робот, руки и ноги парня летали с такой бешеной скоростью, что Лу Пэю приходилось тратить все силы просто на то, чтобы не отставать от его темпа. В итоге он решил, что здоровье дороже, забил на трудовые подвиги и лениво переключился на режим откровенного пофигизма.

Он ни с кем не заговаривал, но его экстремально светлые волосы, белоснежная кожа и хрупкая фигура на фоне толпы загорелых, пропотевших и крепких работяг выглядели ярче, чем полуденное солнце.

Естественно, за его спиной тут же поползли шушуканья, и главной темой обсуждения, само собой, стала его экзотическая внешность.

— Слышь, а это че за цыпочка у нас в новеньких? Раньше его тут не видел.

— Да когда он вообще приехал?

— Наверное, сверху спустили, из Наземного?

— Стопудово.

— Слишком уж хорошенький, на девку похож.

— Обычный смазливый кабачок.

— Талия-гэ, глянь на него... Думаешь, он из этих?..

— Вижу, — лицо Талии-гэ перекосило от злости, он со всей дури прикусил нижнюю губу. — Вот погоди, я устрою ему теплый прием.

***

Едва протрещал звонок на обеденный перерыв, Лу Пэй пулей полетел в столовую, чтобы занять очередь.

Местные тертые калачи побросали лопаты еще раньше, так что в зале уже яблоку негде было упасть. Настоящий человеческий муравейник. Свободных мест практически не осталось, за исключением центральной зоны, там несколько столов образовали подобие вакуумного, неприкосновенного пространства.

На этих вип-столах красовались ломящиеся от еды подносы, горячие блюда были пафосно накрыты серебряными колпаками, а рядышком сиротливо дожидались своей очереди изящные бокалы и бутылка красного вина.

— Мамонт идет! — зычно гаркнул кто-то в хвосте очереди.

В ту же секунду столовую захлестнул нестройный гул приветствий: «Здорово, Мамонт!», «Вечер в хату, босс!», «Приятного аппетита, Мамонт!..»

Под этот бурный аккомпанемент подобострастных выкриков в зал вальяжно вплыл мужчина богатырского телосложения. Он со снисходительным и невозмутимым видом слегка кивал головой, принимая почести.

«Ничего себе, местный царек?» — Лу Пэй знатно прифигел.

Внешность Мамонта на все сто процентов попадала под самый банальный стереотип о бандитских авторитетах: густая окладистая борода, смуглая до черноты кожа и обе руки от плеч до кистей забиты глухими татуировками.

Стоило боссу опустить свой массивный зад на стул, как шестерки тут же бросились суетливо сдергивать серебряные колпаки с тарелок. Запеченная баранья нога, креветки в соли, наваристый суп-карри... У Лу Пэя от такого натюрморта глаза на лоб полезли, он даже моргать позабыл, пуская слюни на этот гастрономический рай.

С тех самых пор, как его упекли в исправительный центр, он не видел ни одной нормальной тарелки еды. Все, чем его там потчевали, это пресные, абсолютно безвкусные помои и пустой супчик, сквозь который можно было разглядеть дно миски.

Стоило шестеркам сдернуть крышки, как по залу поплыл такой умопомрачительный аромат, что у Лу Пэя аж дух перехватило.

Боже, как же хочется есть... Какая же невыносимая голодуха...

— Эй, малек, хорош воронье считать, — прикрикнул на него дед на раздаче. — Забирай корыто.

Как раз подошла его очередь, и перед ним с грохотом приземлился железный поднос.

Лу Пэй опустил взгляд: две сиротливые горки каких-то увядших овощей, нечто неопознанное и явно сто раз переваренное в качестве основного блюда и здоровенный комок слипшегося риса.

Прижав к груди свой убогий поднос, он с тоской в душе принялся высматривать в толпе макушку Юань Цюэ.

Тот был парнем высоким, так что вычислить его в толпе не составило особого труда.

Лу Пэй послушно посеменил за ним и только-только вознамерился пристроить свою тарелку на угол стола, как Юань Цюэ процедил через зубы:

— Тебе не стоит здесь садиться.

Лу Пэй ляпнул не подумав:

— А куда мне тогда, к тебе на коленки примоститься?

Юань Цюэ: ...

Выдав эту дежурную порцию словесного поноса, Лу Пэй наконец соизволил оглядеться по сторонам. Все сидевшие за этим столом амбалы были покрыты глухими брутальными татуировками, судя по всему, он умудрился забрести напрямик в вип-зону личной гвардии Мамонта. Нашел место, ага.

Он уже собрался было вытащить ноги из-за стола и технично сделать ручкой, как чья-то тяжелая ладонь мертвой хваткой вцепилась ему в плечо, бесцеремонно вдавив обратно в стул.

— Ну раз тебе тут так приглянулось, чего уходить, сиди уж, — раздался за спиной хриплый мужской голос, который говорящий изо всех сил пытался сделать нежным и манерным. — Кто ж тебе запретит?

Лу Пэй повернул голову и первым же делом столкнулся взглядом с чьими-то губами, накрашенными ядерной помадой цвета спелой вишни. Выше красовалось нечто, отдаленно напоминающее боевой раскрас индейцев в стиле безумного смоки-айс. Но сомневаться не приходилось: перед ним стопроцентно стоял мужчина. Причем, судя по всему, мужчина весьма специфических вкусов.

Незнакомец прищурился:

— Звать-то тебя как?

Лу Пэй: ...

«Это что, подкат?»

Лу Пэй совершенно не горел желанием давать этому персонажу хоть малейший повод для романтических иллюзий. Он замер и пару секунд поиграл в молчанку, что тут же дико взбесило стоящую рядом шестерку:

— Тебе наш Талия-гэ вопрос задал! Уши присохли?! Отвечай давай!

«Опа, а птица-то, оказывается, важная», — мысленно резюмировал Лу Пэй, и на душе у него окончательно похолодело. Кажется, он только что разгадал истинную причину своей загадочной смерти по сюжету. Уж лучше сразу под нож к Юань Цюэ, чем соглашаться на такое «счастье».

— Меня зовут Руби Фрэнсис, — выдавил Лу Пэй. — А вас?

Талия-гэ посмотрел на него с таким видом, будто перед ним стоял дремучий деревенщина, который вчера только с пальмы слез:

— Ты че, реально меня не знаешь?

Лу Пэй пожал плечами:

— Я только вчера по этапу прибыл.

Талия-гэ с ног до головы окинул его максимально брезгливым, оценивающим взглядом и лишь после этого нехотя снизошел до ответа:

— Жэнь Яо.

Лу Пэй: ...

«Кхм... Пха-ха-ха!» *

ПП: имя «Жэнь Яо» созвучно с китайским сленговым словом «трансвестит» / «ледибой».

Жэнь Яо, официальная фаворитка и личная грелка великого и ужасного Мамонта.

Юань Цюэ сидел, низко опустив веки, и молча запихивал в рот пресную траву из своей тарелки. На его подносе белый рис высился настоящей Эверестом.

Все крутившиеся поблизости шестерки прекрасно знали, какая драма сейчас развернется. Стоило на шахтах появиться хоть одному мало-мальски смазливому пареньку, как Жэнь Яо тут же включал режим «законной супруги» и принимался изо всех сил строить из себя королеву драмы, наглядно объясняя новичкам, что на чужой каравай рот разевать не стоит, а Мамонт — птица исключительно его полета.

И действительно, Жэнь Яо не заставил себя долго ждать:

— Я, между прочим, хожу за Мамонтом уже целых семь лет.

— Ну, мужчины народ ветреный, любят иногда погулять на стороне, поразвлечься. Но все эти одноразовые цыпочки, так, прохожие. А дом у него один — это я.

— Характер у меня вообще-то золотой, я обычно на мелкие интрижки закрываю глаза. Но некоторые, знаешь ли, берега путают и начинают нагло крутить хвостом прямо у меня под носом. С такими приходится разбираться радикально.

Голос Лу Пэя прозвучал с таким искренним и глубоким облегчением, будто у него гора с плеч свалилась:

— Да ладно?! Надо же, какая у вас с Мамонтом крепкая и чистая любовь! Ну надо же!

— Хм, — самодовольно хмыкнул Жэнь Яо. — Уж поверь, третьим лишним в наших отношениях делать точно нечего.

Похоже, Лу Пэй вообще не испугался, что в его адрес только что прилетели прямые угрозы физической расправы. Вместо этого он с утроенным энтузиазмом принялся рассыпаться в самых сладких и восторженных поздравлениях.

Он строчил комплиментами как из пулемета, заставив Жэнь Яо буквально воспарить на крыльях собственного тщеславия.

Здесь, да и вообще во всех трущобах Подземного района, Юань Цюэ перевидал тысячи таких, как этот Лу Пэй. Мелкие, назойливые мухи, которые вечно роятся вокруг любого, у кого есть хоть капля власти и силы. Они готовы соловьем заливаться и лизать чужие сапоги, лишь бы выслужить себе лишнюю кость со стола или глоток жирного бульона.

Разве что обертка у этого новенького была чуть более обманчивой и симпатичной, чем обычно.

А в остальном, такая же дешевая, предсказуемая фальшивка, которую видно насквозь с первого взгляда.

— Яо-гэ, у вас с Мамонтом просто железобетонные чувства, ты сто процентов для него самый дорогой человек на свете, да?

— Ну разумеется, — самодовольно подтвердил Жэнь Яо.

— И он, конечно же, выполняет любые твои капризы?

— Да как иначе-то.

— И если он не в духе, он ведь никогда тебя не ударит и слова дурного не скажет?

— Само собой, что за глупые вопросы.

Юань Цюэ тем временем доел, отложил палочки и вытер рот.

Он краем глаза заметил, как Лу Пэй увлеченно слушает Жэнь Яо, а в его глазах светится такое искреннее восхищение, словно он реально поклоняется этому чудику, хотя они знакомы от силы пару минут.

Видеть, как парень с такой эффектной внешностью опускается до столь убогого подлизывания, Юань Цюэ было физически противно.

В голове у него некстати всплыла утренняя сцена из камеры, и он с немалой долей злорадства подумал: «Чем здесь распинаться перед Жэнь Яо, шел бы сразу крутить задом перед Мамонтом».

— Вот и чудненько! — Лу Пэй вдруг подскочил с места.

Под обалдевшими взглядами Жэнь Яо, его шестерок и самого Юань Цюэ, он размашистой походкой направился напрямик к центральному вип-столу. И нагло зашагал к самому козырному месту, прямо к восседавшему там Мамонту.

— Босс Мамонт, прошу прощения за беспокойство, — выдал Лу Пэй с самой лучезарной улыбкой. — Там Яо-гэ послал меня зацепить пару тарелок. Говорит, до безумия хочет именно вон ту запеченную баранью ногу.

Все присутствующие в столовой разом повернули головы и уставились на него.

Мамонт, чью пафосную тираду так бесцеремонно прервали, поначалу нахмурился, но, выслушав аргумент, снисходительно кивнул:

— Забирай.

Жэнь Яо: ???

Лу Пэй в один заход сгреб со стола авторитета четыре мясных блюда, на которые давно пускал слюни, и сиял от счастья, как начищенный пятак.

Жэнь Яо: ?????

Остальные шестерки окончательно выпали в осадок. Они с абсолютно дебильными выражениями лиц наблюдали за тем, как этот безумец победоносно возвращается к их столу.

Прежде чем Жэнь Яо успел врубить режим яростной фурии и уличить его во лжи, Лу Пэй технично подцепил первый сочный кусок баранины и переложил в его тарелку:

— Яо-гэ, ты только посмотри! Это же все чистая, незамутненная любовь Мамонта к тебе. Он специально приберег эти деликатесы, зная твои вкусы. Какая глубина чувств, я просто плачу от умиления!

Следом он подхватил второй кусок мяса и шлепнул его в тарелку Юань Цюэ:

— Юань Цюэ, ну скажи, тебя ведь тоже пробрало до слез? Давай, приобщайся к чужому семейному счастью, угощайся!

Жэнь Яо: ...

Юань Цюэ: ...

<http://bllate.org/book/17631/1718389>